

Социологическая публицистика

©2000 г.

В.Э. ШЛЯПЕНТОХ

СОВЕТСКИЙ СОЮЗ - НОРМАЛЬНОЕ ТОТАЛИТАРНОЕ ОБЩЕСТВО

Опыт объективного анализа

ШЛЯПЕНТОХ Владимир Эммануилович - профессор Мичиганского государственного университета.

Академика Скрябина, выдающегося русского герпетолога, написавшего сотни работ о червях, трудно заподозрить в любви к объекту его исследования. Как всякий специалист по пресмыкающимся, он видел свою задачу в выяснении анатомии и физиологии этих малосимпатичных существ. В предлагаемом тексте, где ставится задача выяснить, каким оно было - советское общество - автор старался также выступать как герпетолог, всячески нейтрализуя свое ценностное отношение к объекту исследования. Если говорить о личном отношении автора к советской системе, то оно примерно такое, какое может быть у герпетолога к питону или кобре. И даже больше - я ненавидел ее всю свою сознательную жизнь, всегда чувствовал себя в ней дискриминированным (и из-за моего этнического происхождения, и из-за беспартийности, и из-за либеральной репутации) и поэтому с большой радостью покинул Советский Союз в 1979 г.

Несмотря на это, хочу предпринять попытку спокойного и даже объективного (насколько это в моих силах) анализа советского общества. Нужда в таком сбалансированном анализе очень велика. Трудно найти другую область знаний, в которой взгляды исследователей расходились бы столь резко, как в изучении истории России советского и постсоветского периодов. Практически невозможно назвать проблему, по которой среди ученых - обществоведов, историков, экономистов, социологов существовали бы столь полярные мнения.

Я думаю, это объясняется слишком большим влиянием моральных оценок пути, пройденного Россией. История России в этом столетии вызывает споры намного более горячие, чем события в любой другой стране мира. И это неудивительно: в России было построено беспрецедентное, невиданное в истории общество, и нигде, ни внутри страны, ни за ее пределами и ученые, и неученые, находящиеся под влиянием различных идеологий и различных представлений о том, что хорошо и что плохо, не могли сойтись ни в одном существенном вопросе, касающемся России.

Не давая моральных оценок

В этой статье автор предлагает отказаться от оценки советского общества (а также и постсоветского) как "плохого" или "хорошего", как соответствующего или нет различным критериям, которые использовались и используются для его оценки: "истинный" социализм, "цивилизованный" капитализм, или идеальное традиционное русское общество. Советское и постсоветское общества следует рассматривать как некие социальные организмы, чью анатомию и физиологию мы хотим изучить, чтобы понять, почему эти организмы функционировали и функционируют, несмотря на все их казалось бы чудовищные проблемы.

Теперь, когда Советский Союз перестал существовать и когда холодная война прекратилась, на Западе и даже в России (несмотря на продолжающееся, но явно слабеющее противостояние между коммунистами и их противниками) возникла возможность предпринять спокойную и трезвую оценку советского общества. Первые попытки уже предприняты и в либеральном лагере (см. книгу Анатолия Вишневецкого "Серп и рубль", 1998), и в консервативном (статьи Сергея Кара-Мурзы, опубликованные в 1995-1998 гг., главным образом, в "Советской России").

Сделаю одно примечательное отступление. В последние годы в Англии начали решительно отказываться от господствовавшего здесь многие десятилетия обвинительного уклона в адрес Британской империи и пытаются спокойно и взвешенно анализировать процессы в этой империи и ее разнообразное влияние на жизнь колоний. Английский историк Лорент Джемс в своей недавней книге "Подъем и падение Британской империи" пишет, что он "старался как только мог избегать рассуждений об "имперской вине", которой была поглощена британская и американская интеллигенция в последние 30 лет, и старался избежать суждений о том, что было правильно или неправильно в истории империи"¹.

Мне кажется, что старая парадигма, противопоставляющая советологов, которые характеризовали советское общество как уродливый аморальный организм, тем их оппонентам, которые были склонны считать это общество примерно таким же, как западное, если не лучше, устарела. С одной стороны, нельзя согласиться с концепциями тех консервативных западных ученых, которые рассматривали Советский Союз как патологическое общество или потому, что оно было создано бандой преступников, как считает Ричард Пайпс², или потому, что оно представляло собой утопическую конструкцию, построенную на песке, по мнению Мартина Малии³. Представители этой консервативной школы описывают советское общество как "мрачную ошибку Колумба", "величайший триумф идеологии над реальной жизнью" или как "величайшую фантазию современности". Появление этого общества они считают "историческим отклонением", потому что "логика истории так не действует"⁴.

С другой стороны, концепция советского общества как "нормального тоталитарного общества" направлена также и против американских либералов, так называемых ревизионистов, которые даже термин "тоталитаризм" объявили в 1970-80-е годы "ненаучным"⁵. Эти ученые отказывались признать, что Сталин единолично правил страной, что после 1920-х гг. никакой оппозиции его власти не существовало и что партия была единственной реальной политической организацией⁶. Они хотели "демонизировать Сталина и его Политбюро" и представить советское руководство как "похожее на любое другое правительство"⁷, а Советский Союз как плюралистическое общество с активным участием масс в политической жизни страны⁸. Они были вполне уверены, что "плюрализм" в советской жизни было ничуть не меньше, чем на Западе⁹. Они всячески преуменьшали тот факт, что существование советской системы было невозможно без массового принуждения¹⁰. Они старались преуменьшить ужасы коллективизации¹¹, преследования интеллигенции и массового террора¹².

Необходимо вернуться к взгляду на Советский Союз как на "нормальное тоталитарное общество", который по сути господствовал среди значительной части советской интеллигенции в 60-70-е гг. и который развивался в романе Василия Гроссмана "Жизнь и судьба" и в произведении Александра Зиновьева "Зияющие высоты"¹³, опубликованные в 70-е гг.

Это видение советского общества предполагает, что его основные политические, социальные и экономические структуры оформились в 1917-1920 и существенно не изменились в последующие годы вплоть до 1989-1991 гг.

Функциональный или "цивилизационный" подход

Термин "нормальный" имеет в современной научной литературе два значения - "нормативное" ("нормально" то, что хорошо с моральной точки зрения или в сравнении с "самым прогрессивным" на сегодняшний день обществом) и "функционально-системное" с акцентом на способность системы удовлетворять основным требованиям, необходимым для ее выживания и развития. При анализе советского общества я склоняюсь ко второму определению -

"функционально-системному" (в какой-то мере в том смысле, который вкладывался в это понятие социологами и кибернетиками 60-х гг.).

Если говорить только о биологических и социальных системах, то можно утверждать, что "нормальная система" способна воспроизводить себя и поддерживать свое существование в течение нескольких репродуктивных циклов¹⁴. Этот подход предполагает, что при исследовании анатомии и физиологии социальной системы мы принимаем в расчет такие "гуманистические критерии" как уровень жизни, уважение к человеческой жизни, политические свободы, роль религии только в той степени, в какой они влияют на выживание и расширение социальной системы.

Плодотворное рассмотрение каждой цивилизации как "нормальной" предполагает ее сравнение с другими цивилизациями, современными ей или принадлежащих к прошлому и, что особенно важно, также изучение нового опыта, который приобретает человечество с каждой фазой своего развития. Понять подлинную природу советской цивилизации помогает опыт постсоветской России, совершенно нового общества в истории России и даже человечества, каковы бы ни были его связи с предшествующими периодами в истории этой страны.

Действительно, в исторической науке новые концепции о прошлых обществах и фундаментальных событиях-революциях и реформах появляются не столько потому, что историки обнаруживают новые факты, сколько потому, что каждая новая эпоха позволяет по-новому посмотреть на прошлое и понять то, что не могли осознать предшествующие поколения историков.

Одним из лучших путей к пониманию природы советской системы является выяснение причин ее гибели - своего рода судебно-медицинская экспертиза. Утверждение Мартина Роже дю Гара в "Семье Тибо", что человека можно по-настоящему понять только после его смерти, верно также и для общества. По словам французского писателя "только теперь, когда человек отъединен от мира, становится возможным рассмотреть его всесторонне, увидеть его изнутри и вынести общее суждение".

Судебный эксперт часто (особенно, если это необходимо для следствия) начинает свою работу с определения тех факторов, которые не могли послужить причиной смерти. Я намереваюсь последовать тем же путем и постараюсь выяснить, какие социальные факторы не могли вызвать кончину Советского Союза в 1991 г. Разумеется, в ходе нашего анализа мы будем сравнивать постсоветское общество с советским, каким оно было до 1985 г., исключая период перестройки, в процессе которой советская система претерпевала коренные изменения. Недопустимо сравнивать, например, постсоветскую экономику с советской 1990-1991 гг., как это часто делают российские либералы, поскольку в эти годы советская экономика была уже дезорганизована горбачевскими экономическими и особенно политическими реформами. Рассмотрим разные теории гибели советской системы.

Была ли советская политическая система причиной гибели?

Очевидно, что причина лежит не в слабости советской политической системы. Вряд ли кто-то станет оспаривать утверждение, что советская система рухнула не из-за того, что правительство потеряло контроль над страной. В сравнении с постсоветским опытом ясно видно, что советская правящая элита была способна поддерживать сравнительно высокий уровень порядка в стране. Победив в 1920 г. в гражданской войне, советские коммунисты при помощи гигантского репрессивного аппарата создали в России порядок и поддерживали его почти до самого конца.

К 1985 г. члены политической элиты, хотя и преследовали свои эгоистические интересы гораздо сильнее, чем при Сталине, все еще были озабочены интересами страны, партии и народа. В хрущевские и даже брежневские времена существовало большое число талантливых руководителей, которые смогли провести в жизнь ряд крупных общенациональных проектов.

Дисциплина в партии и государственном аппарате, несмотря на рост цинизма, карьеризма и стремления к обогащению, особенно на национальных окраинах, все еще была довольно высокой и директивы вышестоящих все еще были законом для подчиненных. Армия, и особенно КГБ, были в хорошей форме. Несколько блестящих достижений советской разведки, например, вербовка высокопоставленного сотрудника ЦРУ Амса, приходятся как раз на 80-е гг.

Конечно, преступность и коррупция были в советском обществе весьма значительными, особенно в заключительные десятилетия советской истории, но их уровень по сравнению с постсоветским обществом был достаточно скромным. Многие нынешние формы деморализации элиты — коррупция на всех уровнях управленческого аппарата и тесная связь коррумпированных чиновников с уголовными преступниками — были неизвестны в Советском Союзе.

Нет сомнения в том, что после 1953 г. и до 1985 г. у россиян был более высокий уровень личной безопасности. Сталинский террор с его многими миллионами жертв был ужасен и сделал страх перед возможным арестом всеобщим в стране. Однако после 1953 г. репрессивный аппарат, хотя и продолжал держать в страхе большинство населения, непосредственно преследовал только небольшое число настоящих диссидентов. В то же время средний советский гражданин чувствовал себя в относительной безопасности от преступников и, если и не доверял милиции, то неизмеримо меньше, чем теперь.¹⁵

Сейчас централизованный страх в стране заменен "децентрализованным страхом", исходящим из многочисленных источников, создающим прямые угрозы жизни и собственности гораздо большему числу людей, чем в послесталинской России. В постсоветской России население, как показывают многочисленные опросы, почти полностью потеряло доверие к правоохранительным органам — милиции, в первую очередь, а также к суду и прокуратуре.

Советский Союз погиб не из-за этнических конфликтов и сепаратизма национальных окраин

До 1985 г. советская империя была сильна, межнациональные отношения в СССР были достаточно мирными. Конечно, "дружба народов" была бы невозможна без КГБ, партии и мощной интернационалистической идеологии, которая, несмотря на главенствующую роль русских в государстве и антисемитизм, эффективно влияла на сознание населения империи. То, что "дружба народов" была реальным явлением, показывало растущее число смешанных браков даже среди таких исторически враждебных друг другу народов, как армяне и азербайджанцы. Национально-освободительные движения до 1985 г. и даже до 1987 г. были чрезвычайно слабыми, включая Украину и Литву, которые давали наибольшее число заключенных Гулага, попавших туда за национализм. Как бы там ни было, в середине 80-х гг. в империи царил полное спокойствие и не существовало ни малейших признаков угрозы ее существованию.

Советская система рухнула также и не потому, что советская экономика была недостаточно эффективной

Разумеется, советская экономическая система была, вне всякого сомнения, значительно менее эффективной, чем западная рыночная экономика. Разумеется, советская экономика страдала от множества пороков практически с момента своего возникновения. Правда и то, что в последние десятилетия темпы экономического роста неуклонно снижались, качество товаров падало, технологический прогресс замедлялся. Однако все эти недуги были скорее хронические, чем смертельные — с ними больной человек, так же, как и больное общество, может жить еще много лет.

По сравнению же с постсоветскими временами советская экономика выглядела не так уж плохо. К середине 70-х, совсем незадолго до начала перестройки, ей удалось достичь военного паритета с США — огромное историческое достижение для России, мечта всех ее лидеров на протяжении столетий. Советская наука уступала только американской, а во многих областях СССР был даже впереди Америки. Советское образование, особенно в средней школе, было превосходно, а советская школа уступала только Америке и только в подготовке аспирантов. Но самое главное, советская экономика могла реализовать, хотя и с большим трудом и далеко в неполной мере, принцип "пушки и масло".

Советский Союз рухнул не из-за недовольства населения

Совершенно абсурдной является теория, что перестройка, а затем и гибель Советского Союза должны быть приписаны недовольству населения его жизненным уровнем и другими условиями советской жизни. В свете постсоветского опыта уровень жизни в советские времена стал выглядеть совершенно по-другому, гораздо менее ужасным.

Начнем с того, что население страны пользовалось огромными социальными гарантиями. Практически не существовало безработных и бездомных. Выселить человека из его квартиры или комнаты было невозможно ни по какой причине (включая хроническую задолженность по квартплате). Улучшение жилищных условий в 60-70-е гг. было впечатляющим. Каждый год в строй вводилось 2 миллиона новых квартир и 10-11 миллионов человек улучшали свои жилищные условия. Почти две трети горожан жили в отдельных квартирах (хотя часто вместе с родителями, дедушками и бабушками), что было громадным улучшением по сравнению с жизнью в коммунальных квартирах с одной кухней и "удобствами" на несколько (до 20 и даже больше) семей. В России никогда не было таких хороших жилищных условий, как в начале 80-х.¹⁶

При этом россияне никогда не были так хорошо обеспечены товарами длительного пользования, как в это время. К 1985 г. почти каждая семья имела телевизор (97%), холодильник (98%), две трети - стиральные и швейные машины и одна треть - магнитофоны, фотоаппараты, пылесосы и тому подобное. 15% семей имели автомобили.

У людей никогда не было таких широких возможностей поехать в отпуск, как в середине 80-х. В 1985 г. примерно четверть взрослого населения провела отпуск на различных курортах. Большинство детей проводило каникулы в санаториях и пионерских лагерях.¹⁷

СССР перед своей гибелью мог также гордиться высоким образовательным уровнем населения, который был не ниже, чем в США. К середине 80-х 89% работающих проучились в средней школе больше семи лет (в США - 93,1%) - большой прогресс по сравнению со сталинскими временами, когда эта цифра составляла 12%.

Более того, в Советском Союзе существовал значительный по численности средний класс, имевший вполне приличный среднемесячный доход на семью, составлявший в начале 80-х 200-400 рублей (средняя зарплата в 1983 г. была 182 р.)¹⁸ Этот средний класс включал массовую интеллигенцию (учителей, врачей, инженеров, работников культуры), широкий спектр служащих, а также значительную часть рабочего класса и крестьянства. Согласно данным Всероссийского центра по изучению общественного мнения (ВЦИОМ), 43% населения считали себя принадлежащими к среднему классу¹⁹, образ жизни которых, несмотря на различия в уровне образования, был примерно одинаков.

1990-е годы показали, что этот образ жизни, хотя и был во многих отношениях хуже, чем на Западе (и прежде всего из-за отсутствия политических свобод), являлся достаточно достойным. Питание среднего класса было вполне удовлетворительным, с высоким удельным весом мяса, рыбы и молочных продуктов. В рационе не хватало только фруктов (даже летом). Члены этого класса имели примерно одинаковые жилищные условия, как правило, маленькую отдельную квартиру, типовую мебель и почти все основные товары длительного пользования, а многие и машины, хотя в 70-80-х гг. машина все еще оставалась предметом зависти. Большинство членов среднего класса имели небольшие земельные участки (знаменитые "шесть соток"), где находился дачный домик или, по крайней мере, сад с фруктами, овощами и цветами и, наконец, они примерно одинаково проводили отпуск - в государственных санаториях и домах отдыха или "дикарями".

Медицинское обслуживание среднего класса было в основном терпимым, хотя хорошие врачи и медсестры часто требовали небольшие взятки в виде подарков или денег. Немаловажно и то, что большинство детей из среднего класса после школы поступали в институты и университеты и не снижали своего социального статуса по сравнению с предшествующим поколением.

Основная часть среднего класса регулярно ходила в кино, посещала театры и концерты, обладала скромными книжными собраниями, систематически читала книги и периодику. Семья обычно подписывалась на 4-6 различных газет и журналов.²⁰

Разумеется, большинство россиян были недовольны многими аспектами своей жизни, такими, как дефицит продовольственных и промышленных товаров, постоянными очередями и низким качеством товаров народного потребления.²¹

Однако каковы бы ни были объективные показатели уровня жизни, многочисленные опросы, проводившиеся в 70-х (и при моем участии) и в 80-х гг., показали, что многие советские люди оценивали свое материальное положение как вполне приличное, несмотря на многочисленные перемены, с которыми люди сталкивались в ежедневной жизни. Общесоюзный опрос взрослого населения страны в 1976 г. (я был одним из его руководителей) обнаружил, к моему большому удивлению, что советские люди оценивали качество жизни в своей стране на 4 по пятибалльной шкале, в то время как США получили оценку 3, а ГДР - 5.²²

В конце 70-х гг. американцы и советские люди почти одинаково оценивали удовлетворенность своей работой и ее отдельными элементами. Это показывает совместное американско-советское исследование, проведенное в 1986 г. в Джеконе и Пскове. Советским и американским гражданам практически в равной мере нравилась их работа, которую они оценивали как 3,9 по шкале, где 1 означает полную неудовлетворенность, а 5 - полную удовлетворенность. 49% американцев и 44% русских были удовлетворены количеством свободного времени. Число американцев и русских, которые получали больше удовлетворения от работы было соответственно 14 и 17%, от свободного времени - 29 и 22% и тех, кто получал удовлетворение в равной мере от того и от другого - 57 и 61 %.²³

Не существовало угрозы массовых беспорядков

Невозможно отрицать, что уровень общественного недовольства в СССР был достаточно серьезным. Людей не только раздражала куча вещей в повседневной жизни (очереди прежде всего), но многие из них (примерно треть населения) была недовольна своим уровнем жизни, в особенности жилищными условиями. Многие, особенно интеллигенцию и молодежь, раздражала глупая пропаганда и различные ограничения прав, отсутствие свободы и передвижения в стране и из нее. Несомненно, почти всеобщей ненавистью пользовалась местная бюрократия, ее привилегии, ее коррумпированность и ее казавшаяся неподвластность закону.

Но могло ли существовавшее тогда недовольство властью, уровнем жизни или другими обстоятельствами привести к массовым волнениям, которые бы и произошли в ближайшие годы, если бы советская система продолжала существовать как утверждают некоторые российские либералы? Такое предположение выглядит особенно забавным в свете того, что произошло в постсоветском обществе. Россияне перенесли экономическую катастрофу 1992 г., когда были уничтожены все их сбережения и уровень жизни за одну ночь упал в два три раза, финансовую катастрофу 17 августа, которая тоже не привела к массовым волнениям. Последние не возникли также из-за многомесячных невыплат зарплаты в течение многих лет. Неизвестна ни одна массовая антиправительственная акция, вызванная разгулом коррупции в государственном аппарате, хищением денег олигархами или другими их циничными акциями. Неизвестны и массовые протесты против часто показываемого по ТВ наглого стиля жизни "новых русских", который должен безумно раздражать миллионы людей, считающих себя нищими.

С учетом терпения масс в постсоветском обществе с его слабым государственным аппаратом, можно ли утверждать, что недовольство народа могло развалить советскую тоталитарную систему с ее гигантским и эффективным репрессивным аппаратом?

Россияне проявили огромное терпение сталкиваясь с огромными трудностями в своей жизни как в советский, так и в постсоветский период. Однако между реакцией россиян в двух обществах существует большая разница. "Советское терпение" было основано наприятии существующей системы, "постсоветское терпение" иной природы, оно более "чистое", поскольку в одном случае "система" принималась, в другом - решительно отвергалась большинством населения. Все данные 60-70-х гг. говорят о том, что, несмотря на ненависть к местной бюрократии, большинство советских людей, в отличие от небольшой части интеллигенции, принимало советский политический, экономический и общественный строй "как свой", включая такие его ценности как патриотизм, коллективизм, советский интернационализм как идеологическую базу империи, национальную солидарность русских, ведущую роль коммунистической партии. Советские люди полностью поддерживали внешнюю политику государства, включая вторжение в Венгрию и Чехословакию, и даже в Афганистан. В постсоветской России мы видим почти полное отчуждение людей от государственной власти и ее ценностей. В одном из опросов ВЦИОМа обнаружилось, что в 1998 г. 36% россиян считали, что советская власть была "близка к народу", в то время как только 2% заявили то же самое о существующей власти.

С учетом этого, результаты Гарвардского проекта 50-х гг. - опрос советских перемещенных лиц после Второй мировой войны - выглядят теперь, 40 лет спустя, даже более примечательными, чем они были в момент их опубликования в 60-е гг. Выборка в этом исследовании была очевидно смещенная и не могла репрезентативно отражать взгляды всего советского населения, хотя бы потому, что она состояла из людей, бежавших из Советского Союза или не желавших возвращаться туда.²⁴ Более того, респонденты определенно имели склонность подчеркивать свое негативное отношение к советской власти,

что должно быть приятно, по их мнению, услышать их американским интервьюерам во время холодной войны.

Учитывая эти особенности Гарвардского проекта, нельзя не удивиться тому, что в среднем одна треть респондентов признала, что когда-то они "были за советский режим". Было бы не слишком смело предположить, что эта цифра существенно возросла бы, если бы мы распространили эти данные на все советское предвоенное население.

Тремя десятилетиями позже на Западе очутилась другая группа советского населения, на сей раз эмигранты, в основном евреи, которые покинули Советский Союз совсем иным образом, чем "перемещенные лица". Своим решением эмигрировать эти люди показали нежелание жить в советском обществе. Они тоже были вне досягаемости советских властей и тоже хотели, будучи беженцами, сделать приятное своим американским хозяевам, выразив негативное отношение к советской системе. Однако многие из них характеризовали жизнь в СССР 70-х гг. (опрос проводился в начале 80-х), скорее с положительной стороны. Так, из 2800 респондентов только 14% оценили свою прошлую жизнь как "крайне неудовлетворительную". Даже вместе с теми, кто оценивал ее как "в какой-то мере неудовлетворительную" (25%) число тех, кто критически оценивал прошлую жизнь, составляет гораздо меньше половины - 39%.²⁵ Это поразительные данные, особенно в сравнении со степенью удовлетворенности своей жизнью у россиян в постсоветском обществе. Согласно исследованию того же ВЦИОМа, в 1992-1998 гг. число неудовлетворенных своей жизнью почти никогда не опускалось ниже 50-60%.

Советский Союз не был взорван аппаратчиками, мечтавшими о частной собственности

В то же время абсолютно неверно утверждать, что перестройка и последовавший за ней крах советской системы произошли в результате стремления коррумпированных партаппаратчиков приватизировать государственную собственность. Эта теория, которую развивает Егор Гайдар и некоторые другие авторы, является типичной модернизацией прошлого.²⁶ Сознание 99% аппаратчиков в 1985 г. было удалено от подобных замыслов на миллион советских лет. На самом деле, даже во время перестройки, вплоть до 1989-1990 гг., когда партийная и государственная дисциплина ослабли, не было никаких признаков того, что номенклатурой в целом овладела идея приватизации государственной собственности. В действительности, большинство партаппаратчиков проявляли к приватизации стойкую враждебность даже в эти годы, так что Горбачев осмелился употребить этот термин едва ли только не в самый последний год своего правления.

Советский Союз не был разрушен диссидентами

Так же неверно было бы приписать роль разрушителей Советского Союза диссидентам и либеральной интеллигенции в целом. К началу 80-х диссидентское движение было практически уничтожено андроповским КГБ. Почти все руководители движения были на Западе или в тюрьмах и ссылках. Не только крупнейшие диссидентские организации прекратили свою деятельность, но даже и "Самиздат" почти перестал функционировать. К 1985 г. либеральные интеллигенты были настолько деморализованы, что даже не спешили поддержать нового лидера — очевидного реформатора, которому пришлось буквально тянуть их к политической активности, и только в 1987-1988 гг., когда система двинулась к саморазрушению, они выступили как серьезные деятели на политической арене.²⁷

Не было ни иностранной интервенции, ни даже ее угрозы

Многие империи прошлого гибли в результате военного поражения и иностранной интервенции. Только в 20 веке это послужило непосредственной причиной исчезновения Австро-Венгерской, Османской и Германской империй. Советской империи же ничего не угрожало извне даже в малейшей степени. Проблемы советской армии в Афганистане были не более острыми, чем те, с которыми столкнулась американская армия во Вьетнаме, но при этом их влияние на советское общество до 1985 г. было намного меньше, чем влияние Вьетнама на американское. Неудачу СССР в Афганистане следует рассматривать только как провал планов Москвы расширить еще более свою роль в мировой геополитике, но ни в

кчем случае как угрозу самому режиму или его контролю над Средней Азией и другими провинциями империи. Было бы смешно сравнивать советское организованное отступление из Афганистана с поражением царской России в русской-японской войне 1905 г. или первой мировой войной 1914 г., которые повлекли за собой революцию в России.

Главные противники СССР - США со своими западными союзниками и Китай - не имели даже отдаленных планов по использованию многочисленных внутренних слабостей Советского Союза для нападения на него или отторжения каких-либо территорий, как это обычно бывало в мировой истории со слабеющими империями до того, как появилось ядерное оружие. Все потенциальные противники СССР были озабочены только мирным сосуществованием со сверхдержавой, которая легко могла разрушить весь мир.

Почему же Советский Союз рухнул в 1991 г.?

Если Советский Союз пал не из-за отсутствия порядка, плохой экономики, недовольства народа, межнациональных конфликтов, деятельности диссидентов и не из-за военных поражений, то какие же процессы, происходившие после 1985 г. за шесть лет привели к концу могущественное государство? Причина лежит в неудачной попытке реформировать советское общество, которое под защитой ядерного щита могло бы протянуть еще многие годы и даже сохранить контроль за "внешней империей", в первую очередь, Восточной Европой. Горбачев, каковы бы ни были теперь ретроспективные объяснения его действий, начал перестройку с благословения партийного руководства, КГБ и армии с целью поддержать военный паритет с США. Рейгановский проект "звездных войн", как бы ни оценивалась позже его практическая осуществимость, в то время казался Кремлю прямой угрозой геополитическому статусу СССР.²⁸ Горбачев в самом деле верил в высокий потенциал модернизированного социализма и, начиная свои реформы, он ни в коем случае не собирался заменять советскую систему либеральным капитализмом.

Первая программа перестройки была нацелена на ускорение технологического и экономического прогресса, и ни один элемент этой программы 1985-1986 гг. даже косвенно не был направлен против основ системы. Ее вполне можно назвать "неосталинской", а Горбачева тех лет прямым последователем Андропова. Даже следующий шаг перестройки - гласность - был предпринят опять же, в первую очередь, для мобилизации динамического потенциала интеллигенции, членов партии и всех активных людей в стране с целью усиления Советского государства и повышения его мирового статуса. Однако к 1988-1989 гг. после полного провала "программы ускорения" экономическое положение в стране стало резко ухудшаться, как прямой результат ослабления государственной машины. В то же время именно улучшение экономики было главной целью перестройки и главным критерием оценки ее результатов всеми слоями населения, включая партаппарат и интеллигенцию. В отчаянном поиске путей модернизации экономики Горбачев, который до 1989—1990 гг. продолжал быть тоталитарным лидером, то есть единственным человеком в стране, принимающим стратегические решения, начал радикальный процесс демократизации, который сделал гибель советской системы и империи неминуемой. В эти годы в игру впервые вошли новые политические актеры (либералы, шахтеры, националисты в республиках и, конечно, Ельцин со своей антибюрократической программой и идеей независимости России, означавшей тогда гибель Союза), и тогда уже ни Горбачев, ни ГКЧП не могли остановить этот процесс.

Заключение

Но как бы хорошо ни функционировало Советское государство в прошлом (с учетом его тоталитарной, репрессивной природы), у него нет, к счастью для всего мира и большинства россиян, которые не желают возврата к коммунистическому прошлому, никаких шансов на восстановление в том виде, в каком мы его знали. Не только бывшие советские республики никогда больше не будут частями России, но и сама Россия является теперь новым социальным организмом, который, несмотря на то, что утверждают многочисленные критики, тоже является своего рода нормальным обществом, способным к воспроизведению. Хотя переход к тому, что будет после Ельцина, и вызывает опасения в стране и в мире, так как нельзя исключить временную диктатуру, отпадение отдельных территорий (прежде всего на Кавказе) и беспорядки. Со сложившимися отношениями собственности, которые невозможно будет радикально изменить в течение ближайших десятилетий, с населением, приспособ-

сбившимся к новому образу жизни, вписавшись в мировую экономику, даже при всей коррупции и преступности, российское общество, каким мы его знаем сейчас, существует еще долгое время, а затем сменится новым обществом, тип которого мы сейчас даже приблизительно не можем себе представить.

Другой вопрос, ответ на который зависит от убеждений каждого, насколько кому нравится постсоветское российское общество и каким является (или являлось) индивидуальное отношение к советской России. Личный выбор каждого россиянина определяет, какая Россия — дореволюционная, сталинская, брежневская или постсоветская — нравится ему, и какая нет.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 *James L.* The rise and fall of the British Empire. London, 1994.
- 2 *Pipes R.* Russia under the Bolshevik regime. New York, 1993; and his The Russian Revolution. New York, 1990. P. 341-384.
- 3 *Malia M.* The Soviet tragedy: a history of socialism in Russia. 1917-1991. New York; Toronto, 1994; Russia under western eyes: from the Bronze Horseman to the Lenin Mausoleum. Cambridge, 1990. The Russian Revolution. New York, 1990. P. 302.
- 4 *Kolakowski L.* Main Currents of Marxism. Oxford, 1978. P. 523.
- 5 *Lewin M.* The Gorbachev phenomenon: a historical interpretation. London, 1988; *Bialer S.* Stalin's successors: leadership, stability and change in the Soviet Union. Cambridge; New York, 1980. P. 70-73.
- 6 *Hough J., Fainsod M.* How the Soviet Union is governed. Cambridge, 1979.
- 7 *Kenzer P.* Stalinism as humdrum politics // Russian Review. 1986. V. 45. P. 375-384; *Fitzpatrick.* New perspectives on Stalinism // Russian Review. 1985. V. 45. P. 357-373.
- 8 *Lapidus G.* Political mobilization, participation and leadership // Comparative Politics. 1975. October. P. 115, 118; *Hough J.* The Soviet Union and social science theory. Cambridge, 1977. P. 37; *Getty A., Manning R.* Introduction // Stalinist Terror: New Perspectives. Cambridge, 1993. P. 2-4.
- 9 *Solomon S. et al. (ed.).* Pluralism in the Soviet Union. London, 1983.
- 10 *Dallin A.* Biases and Blunders in the American Studies on the USSR // Slavic Review. 1973. V. 32. № 3. P. 560-576.
- 11 Так, Шейла Фитцпатрик признавала "положительную сторону" коллективизации наряду с различными недостатками. Ее окончательное суждение было довольно умеренным: "Коллективизация никому не принесла особого счастья". Она приняла сталинскую теорию о том, что кулаки вели борьбу против советских властей и против колхозов. Она писала, что кулаки "днем скрывались в лесах, а по ночам терроризировали деревни", что заставило властей отреагировать высылкой "кулаков и других зачинщиков беспорядков" (*Dallin A.* Biases and Blunders in the American Studies on the USSR // Slavic Review. 1973. V. 32. № 3. P. 560-576). В своей книге *Stalin's Peasants* (1994) она хотя и не отрицает многие жестокости коллективизации (что типично для ее работ до 1991 г.), но все еще представляет трагическое положение советских крестьян (например, отсутствие у них паспортов) как "неприятное", "неудобное и раздражающее". Она утверждает, что на "практике, однако, ограничение свободы передвижения крестьян были намного менее ужасными, чем в теории" (С. 137). Фитцпатрик критикует чрезмерный, "патологический" акцент на голоде при описании коллективизации и доходит до того, что предлагает видеть причину голода в "саботаже" крестьян (С. 96).
- 12 Шейла Фитцпатрик считает, что грубая кампания против интеллигенции конца 20-х — начала 30-х гг. (которая весьма напоминала китайскую культурную революцию) была инициирована не Сталиным, а рядовыми коммунистами (*Fitzpatrick Sh.* The Russian Revolution. New York, 1982 and 1994. P. 137, 152-153).
- 13 *Зиновьев А.* Зияющие высоты. Lausanne, 1976.
- 14 *Smelser N.* Social structure // Handbook of Sociology. 1988. P. 109; *Alexander J.* Neofunctionalism. Beverly Hills, 1985.
- 15 Неудивительно, что ностальгия по порядку является одним из самых сильных чувств в современной России. Не менее 80% россиян заявляют, что отсутствие такого порядка — главная проблема в России. В опросе 1997 г. 19% назвали Андропова и 12% Сталина как руководителей, лучше всего обеспечивающих приемлемый уровень порядка в обществе (Московские новости, 27 апреля 1998 г.).
- 16 Народное хозяйство СССР в 1990 г. М., 1991. С. 175.
- 17 Там же, с. 211.
- 18 Народное хозяйство СССР в 1983 г. М. 1984. С. 393.
- 19 Советский человек / Под ред. Ю. Левады. М., 1993. С. 53.
- 20 *Shlapentokh V.* Public and Private Life of the Soviet People. Oxford, 1989.
- 21 В 1980-х гг. около половины всех семей жаловались на нехватку мяса. (Благосостояние городского населения Сибири / Под ред. Ф. Бородкина. Новосибирск, 1990. С. 75). В 1990-х число семей с аналогичными

жалобами возросло до 70-80% одновременно с ростом продажи этого продукта (Мнения населения о ценах на товары и услуги. М., Госкомстат. 1991. С. 125, 245). В 1990 г. только 3% населения России считали доступными для себя продукты "свободного рынка" (Там же, С. 282).

22 Из личного архива автора.

23 *Robinson J., Andreyenkov V., Patrushev V.* The rhythm of Everyday Life. Boulder, 1989. P. 106-131.

24 *Inkeles A., Bauer R.* with the assistance of *Gleicher D. and Rosow I.* The Soviet citizen: daily life in a totalitarian society. Cambridge, 1959. P. 25-40.

25 *Millard U.* Politics, Works and Daily Life in the USSR. A survey of former Soviet citizens. Cambridge, 1987. P. 33.

26 *Гайдар Е.Т.* Государство и революция. М., 1995. С. 106-107. *Радзиховский Л.* Номенклатура меняет "Капитал" на капитал. Известия. 7 марта 1995. *Водолазов Г.* Номенклатурный капитализм // Независимая газета. 14 июня 1997.

27 Владимир Буковский в своей книге *Judgement dans Moscou (Paris, 1995)* характеризует диссидентское движение как единственную угрозу режиму. Но при этом признает, что после ареста Натана Щаранского и Хельсинской группы к 1970 г. движение практически прекратилось (С. 231).

28 Ю.В. Андропов в особом заявлении, сделанном им вскоре после прихода к власти, охарактеризовал рейгановскую СОИ как "программу, направленную на разоружение Советского Союза перед лицом американской ядерной угрозы" и поклялся, что СССР никогда не допустит военного превосходства США /*Андропов Ю.В.* Избранные статьи и речи. М., 1983. С. 250; *Болдин В.* Крушение пьедестала. М., 1995. С. 97-98; *Медведев В.* В команде Горбачева. Взгляд изнутри. М., 1994. С. 26-41; См. также дискуссию российских генералов о влиянии СОИ на Кремль в книге *Ellman M., Kontorovich V.* The Destruction of the Soviet economic System. Armonk, 1998.